

ЛАДА БАСНИНА

Санкт-Петербург, г. Пушкин

ЗИМА рассказ

1. Санки

Снег под санками поскрипывал слабо, как голодные горожане передвигали ноги. След от полозьев заматался кусочком снежно-белой простыни, чуть свисавшей со скорбного груза. Скоро ещё один «сутроб» пополнит стихийный склад мёртвых. Когда-то живой, человек в белой простыне теперь станет лишь частью братской могилы – голод не смотрит на чьи-то заслуги, он забирает с собой.

Суровая зима 1942 года сохранила его облик даже спустя месяц. Двадцать семь дней тело пролежало в одной из комнат ледяной квартиры, продолжая защищать своих близких и после смерти – продовольственная карточка всё ещё действовала, хотя еда человеку была уже не нужна. Зато она была нужна его жене и её родным, чтобы попытаться выжить.

И вот теперь двадцатичетырёхлетняя девушка везёт своего тридцатилетнего мужа, зашитого в простыню, на санках к месту, откуда его заберут навсегда. У него не будет ни могилы, ни даже гроба – в городе не хватает места и досок. Ему уготовано лежать в земле вместе с тысячами других ленинградцев, которые проиграли голоду и морозу.

Безразлично к чужому горю падает снег, забирая одних и сохраняя других – мороз не даёт распространиться эпидемии, а лёд на Ладоге обеспечивает единственную связь с большой землёй – Ледовую дорогу жизни.

Человеку на санках уже не холодно. Он стал частью этой блокадной зимы, растворившись в её жестоких объятиях. От него даже не осталось строчки на могильном камне. Только память неродных ему потомков.

2. Шампанское

В буржуйке тихо потрескивает огонь. Это горят книги. Дрова кончились уже давно. Жечь мелованную бумагу тяжело – но книги – единственное, что отделяет живых людей от стучащегося в окна мороза, желающего забрать их с собой в темноту. Держались до последнего – но сейчас наименее ценные экземпляры всё же оказались в печи.

В углу на холодной кровати лежит девушка, недавно похоронившая своего мужа. Она не чувствует холода – температура её тела уже выше сорока градусов. Кажется таким абсурдным – умирать от большого зуба. И тем не менее это так. Два дня назад ей просто не хватило сил дойти до дома. Голод поймал её в свои холодные тощие руки по дороге. Сил не осталось совсем – она упала на холодный блокадный снег, который казался сейчас мягкой периной. Страх не было, на него нет сил. Ещё немного, и всё это кончится. Но как же мама, папа, сестра...

Очнулась она в подъезде, незнакомая женщина стояла рядом. В руках у неё был небольшой кусочек хлеба, посыпанного сахаром – «Ешь, тебе ещё рано умирать».

И она съела эту частичку жизни, лишь благодарно взглянув на человека, рисквавшего собственной жизнью ради спасения незнакомки.

Хлеб помог ей дойти до дома, но холодная земля сделала своё дело: зуб был застужен, и воспаление всё распространялось. Лекарства в городе кончились уже давно, остановить инфекцию было нечем. Как же глупо – умирать в двадцать четыре года от зубной боли.

В комнату вошёл отец. До войны он был профессором психиатрии, но медицинское образование Военно-медицинской академии – широкое.

Протянул бутылку шампанского – частичку старого безвоенного мира. Раньше его подавали к семейному ужину, а теперь эта бутылка – единственный путь к спасению. Шампанское – сильный антисептик, и если прополоскать им рот, шанс на выздоровление будет.

На следующий день температура упала. Нет, её время умирать ещё не пришло. Она должна жить за двоих. За себя и за своего мужа, тело которого она везла на санках навстречу пустоте.

3. Смерть

Холод сковал дома. Когда-то величественные, горящие огнями тысяч свечей на торжественных приёмах и балах, теперь они зияют пустыми глазницами окон. Словно внимательные и отстранённые чёрные зрачки смерти бесстрастно наблюдают за полуживыми горожанами. Да, она рядом. Её можно почувствовать, легонько прикоснувшись посиневшей рукой к промёрзшим стенам. Или ощутив губами вкус блокадного хлеба. Или взглянув на заметённые снегом буторки, из-под которых ещё виднеется лоскут белой материи.

В одном из безразлично смотрящих на голодных прохожих окон ещё теплится слабый огонёк. Буржуйка продолжает скудно освещать и согревать комнату. Пока горит огонь, есть ещё надежда.

Но вот огонёк становится всё слабее, свет в окне уже почти не прорезает вечернюю тьму. Догорает последняя ножка стула, тусклыми лучами освещая лица четырёх человек. Мысленно они уже далеки отсюда, на их осунувшихся лицах с заостренными носами покой. Грудь ещё вздымается, рефлекторно перегоняя единственное, что есть в достатке в Ленинграде – морозный воздух. В углу, на одной из кроватей, женщина прижимает к себе мальчика, но тепло её тела уже ему не нужно. Последнее, что его глаза видели во тьме – искры от догорающего пламени. Они звали его с собой. Туда, где тепло и нет голода. Туда, где люди наконец перестанут убивать друг друга.

Гаснет пламя. Как тлеющие угли, уходят последние члены семьи, которые проиграли эту смертельную схватку. Сразу четверых унесла смерть в своё белом снежном саване.

4. Рынок

Замотанные в разнообразные лохмотья скелеты медленно передвигаются сквозь толпу других таких же людей. Их посиневшие руки бережно прижимают к груди небольшие кульки с самым дорогим, что осталось. В кулках – бриллиантовые серьги, кольца с разнообразными камнями, золотые часы, причудливые запонки. Все эти потерявшие свою ценность в голодном городе вещи живые трупы собираются выменять

на хлеб или другую еду. Но ростовщики – те, кто имеет доступ к продуктовой кормушке – привередливы: они долго рассматривают товар, а потом уходят в поисках лучшего предложения.

Есть среди обитателей рынка и необычные люди: лица у них полные, на щеках странный румянец, черты лица одновременно и мягкие, и отталкивающие. И товар у них необычный – мясной бульон, котлеты, студень.

Девушка, сжимающая в маленьких окоченевших руках заветный кулёчек с драгоценностями, знает, что покупать у них ничего нельзя. Разум её чист: откуда в блокадном городе мясо? Даже крыс на улицах сейчас не увидишь. А вот мёртвых людей – с избытком...

Кто-то трогает её за плечо: предлагают хлеб. Буханку. Девушка раскрывает кулёк. В платочке золотые серьги. В центре большая голубая бирюза, а по краям – венчик из крупных прозрачных бриллиантов.

Слышится нечеловеческий вой: «карточку укралииииии!». Торговец хлебом сразу же скрывается в толпе. Чуть поодаль на снег опадает гора лохмотьев. Человека в ней не видно, слишком он худой. Он ложится на снег и больше уже не встанет. Потеря карточки означает смерть.

5. Ящик

Голод убивает медленно, мучительно. Без еды можно прожить значительное время, а если поддерживать существование 125-ю граммами хлеба в день, тянуть можно долго. Но любой, даже самый стойкий организм, однажды сдаётся.

Холод, царящий в комнате, лишь усугубляет положение. Тело требует энергии, чтобы согреться. Но произвести её не из чего – даже крошки в доме нет уже давно.

Женщина в большом сером платке медленно встаёт с кровати и идёт по тёмному коридору в дальнюю комнату. Её не открывали уже очень давно: обогревать большую квартиру нет смысла. Драгоценное тепло нужно экономить.

В комнате стоит старинный красного дерева буфет – подарок на свадьбу то ли бабушке с дедушкой, то ли прабабушке. Вспомнить сейчас сложно, голодный истощённый мозг отказывается работать.

Красное дерево – это массив, горит оно долго. Женщина вынимает один из ящиков. Как же это тяжело. Ведь ящик совсем пуст, а так тяжело.

Хотя нет, в глубине ящика что-то есть. Какие-то коробки. Так вот почему у него такой вес.

Женщина аккуратно ставит ящик на пол: в нём чай, соль, сахар. Каждого – целая пачка! Как же все могли забыть про такое богатство? Вот же оно, столько времени рядом пролежало!

Спасены. По крайней мере, ещё месяц они будут жить. А дальше будет видно.

6. Собака

Под лоснившейся когда-то коричневой шерстью теперь видны только рёбра. Голова на тощих лапах больше напоминает череп собаки из анатомического театра. Обрубок хвоста всё ещё пытается приветствовать возвращающихся с мороза хозяев, но сил для этого уже не осталось.

Тор – боксёр, чемпион множества выставок, представитель славной собачьей родословной. Только домашние зовут его Тором, для остальных он Тор Гаудиум Эгалитэ. Но сейчас он – лишь ещё одна живая душа, которая мёрзнет и голодает.

Двух его сыновей усыпили, когда была объявлена война. Наверно, они не понимали, что это единственный способ уберечь их от страшной гибели – голода или голодного горожанина.

Тора у хозяев не хватило духа усыпить. Он так посмотрел им в глаза, что сразу стало понятно: старый пёс не простит им предательства. Он будет с ними до конца.

Несмотря на то, что каждый из семьи ежедневно делился с Тором своим пайком, большому псу этого было, конечно, мало. Собака не человек, приспособиться к условиям ей сложнее. Сейчас Тор мог только лежать и смотреть в пустоту, вспоминая своё щенячье детство.

Вот они вместе с хозяином идут на первую выставку. Тор ещё совсем маленький и случайно проваливается в глубокую лужу. Она холодная, но тёплые руки хозяина бережно поднимают его и укутывают во что-то мягкое.

Белая простыня полностью закрывает тело собаки. В неплотно сжатых зубах – крошечный сухарик. Сегодня вечером хозяева выроют яму в мёрзлой земле и опустят туда горстку костей, обтянутых тонкой коричневой кожей. Ты был как член семьи, Тор, покойся же, как положено.